влияния вносит в эту абстрагирующую тенденцию чрезвычайно сильную и характерную особенность: до экзальтации повышенную эмоциональность.

Для Р. Пиккио неясно из моего доклада, «в каком смысле общее мировоззрение авторов XV в. является „абстрактным“». Действительно, этому вопросу я не смог уделить достаточное внимание в докладе. Перед нами очень своеобразное явление: в конце XIV и в XV в. появляется повышенная эмоциональность, но она тоже в известной мере «абстрактна»: чувства «обобщены», они лишены индивидуальных черт, мало связаны с носителями чувств, не сочетаются друг с другом и не слагаются в сложную картину душевной жизни. Характер человека еще не открыт. В литературу вторгаются бурные эмоции, но нет эмоций индивидуальных, нет их индивидуальных, конкретных сочетаний. Стремление проникнуть во внутреннюю жизнь человека не соединяется еще со стремлением к выявлению индивидуальных свойств человека. Человек крайне обобщен, выступает в своих вечных свойствах. Прекрасная характеристика этой «готической эмоциональности» и обращение к внутренней жизни имеются в книге Маля (Êm. Mâle. L'art religieux de la fin du Moyen âge en France. Paris, 1925). Явления, свойственные французскому искусству, близки искусству (и литературе в том числе) русскому, несмотря на различие исторической действительности.

Эмоциональный стиль XV в. еще не конкретизирующий. Он продолжает пользоваться трафаретными сочетаниями, устойчивыми формулами. Поиски слова, которые Р. Пиккио отождествляет со стремлением к конкретизации, на самом деле являются поисками точности выражения все еще абстрактного содержания, но чрезвычайно усложнившегося благодаря развитию эмоциональности. Авторы конца XIV—начала XV в. ищут по преимуществу цитаты из «священного писания», ищут устойчивые выражения, словосочетания, формулы, прибегают к калькам с греческого. Это поиски словесного материала, но материала уже готового. Вот почему в новом стиле конца XIV—XV в. так много повторений старого, идущего от XI—XIII вв. (Илариона, Кирилла Туровского и пр.). Возвращение к «своей античности» ощущается даже в стилистических исканиях конца XIV—XV в., которые, как я уже сказал, нельзя смешивать с поисками конкретности.

«„Восточноевропейское предвозрождение“ или возрождение славянского православия»?

Признавая ценным наблюдение над единством самых разнообразных культурных явлений XIV—XV вв. в рамках всей восточноевропейской культуры, Р. Пиккио предлагает называть культурное движение, охватившее в это время Византию, Болгарию, Сербию, Россию, Кавказ и часть Малой Азии, не «восточноевропейским предвозрождением», а «возрождением» или «новым подъемом» славянского православия (русское резюме, стр. 199). Я лишен возможности привести по этому поводу всю аргументацию Р. Пиккио. Укажу только на два главных аргумента: реформа Евфимия охватила только славянские страны; существовало в качестве наднационального явления «православное сознание», которое усиливается в конце XIV—XV в.

Думаю, однако, что стилистические явления XIV—XV вв., о которых шла речь в моем докладе, явились отражением византийских лингвистических теорий, связь с которыми недостаточно еще изучена. Р. Пиккио не отрицает связи евфимиевской реформы с византийско-славянским исихазмом. Но связь явлений еще шире и если не в литературе, то в изобразительном искусстве захватывает и другие, неславянские страны. Следова-